

Размышления по поводу книги Людмилы Петрушевской «Маленькая девочка из "Метрополя"»

Б.Ф. Егоров
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Заранее предполагаю, что все описанное в книге – истинная правда, и если там даже есть художественные присочинения, все равно психологический облик героини описан так хорошо, что может без всяких колебаний служить образцом, типом данной группы людей. Конечно, там много личного, индивидуального, но меня больше всего интересует именно массовый тип.

Уже не раз писал, что считаю самыми главными чертами русской интеллигенции преобладание духовных начал над материальными и отдача себя людям в противовес эгоистическим устремлениям. И говорил неоднократно, что среди деятелей духовной культуры, среди творческих гуманитариев иногда встречаются личности, у которых материальные интересы ненормально распухают, а альтруизм, наоборот, чахнет и усыхает. Приводил, как пример, фигуру А.Н. Толстого. Это как бы частичные исключения из чистых антиномий.

Героиня Петрушевской, однако, совершенно не укладывается в эту классификацию. Она – уже почти полное исключение. Духовные интересы у нее существуют, материальные – тоже, хотя в какой-то болезненной, чуть ли не патологической форме (самый яркий пример: безнадежно, чуть ли не многолетне голодная девочка удачно, неожиданно насобирала милостыню в 14 рублей и купила не еды, а какого-то целлулоидного матросика, которого тут же и потеряла). Эгоистические и альтруистические начала существуют (больше все-таки эгоистические), но они непредсказуемо перемешаны, героиня руководствуется сиюминутными порывами, ведущими часто к поступкам абсолютно нелогичным, безответственным, а иногда и отвратительным. Тоже один пример: девочка оказалась в кабинете прадеда, начала всюду шарить, обнаружила банку с собранием серебряных полтинников, открыла окно и начала бросать монеты во двор, где уличные мальчишки устроили дикую драку из-за монет – и девочка наслаждалась мордобоем.

В таком жутком калейдоскопе – прямое жизненное продолжение придуманных алогизмов обернутов, своего рода реализация художественной метафоры. Если тут и классифицировать, то по совсем другим антиномиям, хотя бы по синэргетической оппозиции порядка и хаоса. Алогичная мешанина – конечно, хаос. Он, очевидно, подпитывался воздействием окружающей среды.

Как в парадоксальных алогизмах обернутов, так и у Петрушевской, можно обнаружить прямое воздействие советской эпохи, которая немало способствовала частому появлению глупых, диких, безумных ситуаций. Колоритный пример из автобиографического рассказа Б.Ю. Крячко «Движение масс»: чтобы продемонстрировать якобы невиданный урожай невиданного сорта пшеницы, фотограф-виртуоз Яшка посадил в поле на колени первого секретаря обкома партии и председателя колхоза, и тогда на снимке пшеничные колосья достигали уровня начальственных голов. Но художественное безумие обернутов и жизненное у Петрушевской шли значительно дальше советских образцов: это уже была индивидуальная утрировка.

Не забудем однако и отталкивающую, совсем другую сторону советской эпохи, еще более мощную, – социально-психологическая неподвижность, стагнация, отсутствие творчества... Волны репрессий отнюдь не способствовали движению. И тогда безумные алогизмы обернутов и Петрушевской можно трактовать как отчаянную попытку взорвать стагнацию, внести живое и оригинальное в унылый мир однообразия (не касаюсь здесь более общих проблем жизни и искусства XX века: скажем, С. Беккет своими алогизмами ведь не советской власти противостоял!) Но всему есть мера (не чужой обернутам Н. Олейников, которого Л.Я. Гинзбург называла самым умным человеком, встретившимся ей в жизни, написал внешне забавное, а по сути весьма серьезное стихотворение «Всему есть время и всему есть мера...»). Ибо перебор алогизмов создает однообразие из бывших разнообразий, а отсутствие связей, разрушаемых безответственным наплевизмом, тем более усиливает бессистемный хаос. По аналогии с термодинамической тепловой смертью (разгул энтропии) возникает социально-психологическая смерть.

И вот что любопытно. Почему-то домашние старшие у девочки-героини Петрушевской (тетя и бабушка) чуть ли не патологически пересыщены стагнацией, парадоксально повторяя советскую законсервированность. Писательница объясняет это трагическими событиями: в 1937 году расстреляны ближние родственники, сами сосланы в Куйбышев (Самару) – отсюда, дескать, психологическая неподвижность. Старшие лишены прав, лишены нормальной работы – потому они живут в холоде и голоде, ночью выискивают в мусорных ведрах на коммунальной кухне объедки, выброшенные соседями; лишь мельком упоминается о каком-то участии бабушки в портовой разгрузке.

Мое поколение очень хорошо знает быт сосланных в сталинские годы, не говоря уже о массовой эвакуации граждан в восточные районы в военное время. Конечно, было холодно и голодно. Я сам знаю около двух десятков семей эвакуированных и четыре семьи сосланных, но о полной безработице взрослых людей, ищущих объедки в мусорных ведрах соседей, слышу впервые. Образованные люди всегда находили репетиторские занятия с отстающими школьниками – по всему спектру предметов, начиная с иностранных языков и математики. Потом – музыкальное репетиторство и элементарное обучение.

Всегда были нужны художники, чертежники, плакатисты. Потом – сиделки и няни. Еще изготавливали и продавали куколок, рукавицы, кухонную тряпичную мелочь. Не говорю уже о физическом труде: мытье посуды, окон, полов; пилка-колка дров. И прочее, и прочее. И все знакомые мне семьи чем-то подобным занимались и этим жили. А человек труда всегда вызывает уважение и благодарность окружающих, несмотря на наличие в этом окружении мещанской зависти, настороженности к чужакам и прочих неприятных качеств.

В описаниях Петрушевской лейтмотивом проходят мысли о враждебности, злобности, жестокости всех соседей и всего детского мира во дворе и на улице. Все – чужие и опасные. Возможно, именно социальная патология, т.е. асоциальное поведение представителей странной семьи вызвала ответную патологическую реакцию (и лишь при описании жизни взрослой героини в книге стали появляться хорошие персонажи, как впрочем и некоторые зародыши порядка в существовании самой героини: ее бродяжническая натура и наличие детей стали требовать элементарных денежных планов и расчетов).

В целом же – типы, описанные Петрушевской, включаются в тот круг российской ментальности, которую я называю антитрудовой: эти герои испытывают глубокое отвращение к систематическому труду, к порядку, а эти свойства ведут, в крайних проявлениях, к асоциальному поведению, к безответственности и лжи, к постановке на первый план удовольствий и к уклонению от обязательств. В научных терминах это означает путь к энтропийному хаосу и удалению от системности и порядка. Революционные периоды в жизни общества – благодатнейшая почва для таких типов, хотя некоторые неподвижные натуры могут и страдать от того социального хаоса, который они должны были бы приветствовать по своему психическому строю.

А что, если антитрудовики полезны для гениальной творческой деятельности? Ведь хаотическое состояние ума и души у талантливого ученого или художника может создать «наркотическое» озарение? невиданную переструктуризацию прежних систем, приводящую к совсем новым построениям и результатам? Вспомним тютчевский «родимый хаос»! Наверное, так. Только упаси Боже от передозировки, от господства хаоса, разрушающего все предшествующее до основания – ибо мы уже видели, какой новый мир строился на той яме. Увы, нынешние дикие деяния антиглобалистов и почти весь комплекс творений постмодернистов в искусстве – это грандиозная безмерная передозировка.

Но в общем-то в разумных пределах хаос пусть существует – да физические законы давно уже утверждают, что без определенной доли хаоса никакой порядок невозможен. Социологи и психологи, наверное, придут к таким выводам тоже. А я-то всю свою жизнь ратую за противоположный человеческий тип: любящий труд, порядок, гармонию. Ведь человек создан с помощью труда. Труд – его норма и его счастье, в труде он обретает физическое и нравственное здоровье. Да будут прокляты те общественно-политические устройства, которые отвращают от труда и да будут живы те, которые органично приобщают человека к труду. Труд – антиэнтропийное спасение человечества, его защита от хаоса и смерти.

Интересно: еще до всякой синэргетики и до изучения термодинамики в вузе я интуитивно любил раздельность и не любил смешение. С удовольстви-

ем штудировал тирады Константина Леонтьева против уничтожения уникальных национальных особенностей (впрочем к аналогичным его тирадам о соловьях относился без малейшей симпатии). Всегда предпочитал массовому застолью общение тет-а-тет. Любил есть отдельные овощи, а не салатную или винегретную мешанину. Черный кофе – отдельно, сливки – отдельно. Чай – отдельно, сахар – отдельно. Ну, а в качестве исключения люблю из смесей борщ со сметаной и кашу с маслом. Видно, и в индивидуальной избирательности можно оставить небольшую щелочку для структур, прямо следующих к энтропийному смешению: как бы соглашаюсь с физиками, утверждающими, что какой-то процент хаоса всегда присутствует в мире порядка...